

Солдат революции

К 60-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. ВИШНЕВСКОГО

В САМОМ конце двадцатых годов, зимним вечером в Ленинграде, в помещении писательской столовой на Невском, никому не известный моряк прочитал нескольким случайно собравшимся слушателям свою пьесу. Я не присутствовал на этом чтении, но, когда на другой день пришел пообедать, все заведганга столовой только и говорили что об этом моряке и его пьесе. Редко мне случалось видеть таких пораженных и взволнованных людей.

— Какая пьеса! — повторяли кругом. — И как он читал, как читал! Слушаешь, и словно видишь все своими глазами! На стуле усидеть было невозможно! А когда он читал сцену боя, он хватывал наган и стрелял в потолок!

— По-настоящему стреляя?

— Еще был! Конечно, по-настоящему!

Но я был скептик. Я посмотрел на потолок и спросил:

— Где же следы пуль?

Следов пуль на потолок не было.

— Но как же так?.. Ведь он стрелял! Или нам почудилось?

Им, действительно, почудилось. Я понял, как это могло произойти, когда в годы Отечественной войны, во время осады Ленинграда слушал его речи перед краснофлотцами. Он был блестящий оратор, владевший сердцами и умевший ими поведовать. Краснофлотцы слушали его не дыша и вскакивали со стульев от волнения.

Он начинал свою речь тихо, сухо, короткими информационными фразами. Он рассказывал факты, только факты, развертывал целую цепь фактов, торопливо наскакивавших один на другой, и факты своей конкретностью властно привлекали внимание. А он тем временем разгорался, голос его креп, слова становились еще торопливее, он неудержимо летел вперед, увлекаемый своими мыслями и увлекая за собою всех. Слушателей побеждало не его красноречие, а его искренность, его убежденность. Он говорил только о том, что переполняло его сердце, только о личном. Но это личное было всегда общим, важным для всех. Мне не приходилось встречать другого человека, для которого до такой степени общее, народное, людское было личным. Он любил наш Балтийский флот, которому отдал свою жизнь, глубоко личной, взволнованной, патетической любовью. Так же лично, пристрастно, любил он руководимый им журнал «Знамя». И Революция всю его жизнь была для него самым главным его личным делом, и потому он так пылко, так безудержно служил ей.

В этом глубоко личном отношении к Революции тайна необычайной эмоциональной заразительности его революционных пьес и фильмов. Каждая пьеса, каждый сценарий — это песнь о Революции, это гимн Революции. Его пьесы так ярки, так воздействуют на зрителя потому, что они были не только выражением его взглядов, но и отражением его собственной судьбы. Он написал «Первую Конную» потому, что был пулеметчиком в Первой Конной. Он написал «Оптимистическую трагедию» потому, что в годы гражданской войны служил в Балтийском флоте. Образы революционных балтийских моряков легли в основу его фильма «Мы из Кронштадта» — шедевра советской кинематографии. «У стен Ленинграда» написал он потому, что провел в Ленинграде все тяжелые годы осады.

Удивительна биография этого профессионального литератора. Четырнадцатилетним мальчиком убежал он на фронт первой мировой войны и за несколько месяцев получил две георгиевские медали. Всю гражданскую войну сражался он на передовой то матросом, то конником. Во время революционной войны в Испании он — в осажденном Мадриде. Во время войны с белофиннами он — в Кронштадте и на Карельском перешейке. В годы Отечественной войны он сначала в осажденном Таллине, потом в осажденном Ленинграде. В конце войны он принимает участие в штурме Берлина и присутствует при его падении. Этот профессиональный писатель всю свою жизнь был прежде всего воином Революции и брался за перо только потому, что относился к перу, как к оружию.

Я знал его в течение многих лет, но теснее всего сошелся с ним в осажденном Ленинграде. Мы с ним вместе служили; в течение иных месяцев виделись почти ежедневно. Он был прекрасный това-

рищ, внимательный, добрый и строгий. Вообще он был на редкость доброжелателен к людям, особенно к людям, сражавшимся рядом с ним. Но душевной слабости он не прощал никому, от каждого требую той же силы, преданности и убежденности, которыми так щедро был наделен сам.

Он был человек бесстрашный. В том, что Ленинград устоит, он не сомневался ни одного мгновения, — тому доказательством его дневники, напечатанные после смерти. Он не склонял головы ни перед голодом, ни перед авиабомбами, ни перед артиллерийским обстрелом. Всю осаду прожил он в маленьком деревянном труппе домишке, и во время каждого обстрела домишко ходил ходуном, дрожал как живой. Разрывы снарядов рокотали вокруг, словно прибой океана, а Вишнеvский сидел за столом перед окошком и, шуря близорукие глаза, заполнял мелким почерком страницу за страницей.

Он часто тогда выступал по радио. Над осажденным, несдающимся Ленинградом звучал его знакомый всем голос — правдивый, мужественный, сурово-страстный. Этот голос, полный презрения к врагу и несокрушимой веры в победу, говорил о том, о чем думал каждый, и поэтому был как бы душой Ленинграда.

В собрании сочинений, вышедшем после смерти Вишнеvского, опубликованы его дневники времен войны. При его жизни мы их не знали. Эти дневники — один из самых ярких и интересных человеческих документов и в то же время один из самых удивительных документов эпохи. Вишнеvский был на редкость цельный человек — он записывал то, чем жил, а жил он историей, совершавшейся у него на глазах. И в дневниках его запечатлелась навеки великие события и думы его современников.

Литературное наследие Вишнеvского мало изучено. А между тем значение сделанного им выходит далеко за пределы эпохи, которую он прожил. Надолго останется в памяти людей образ писателя — трибуна, воина, революционера.

А мы, знавшие его лично, до конца своих дней будем вспоминать о нем с любовью.

Николай ЧУКОВСКИЙ

20 ДЕК 1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

г. Москва

///